

И.И. РУБИН И ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Д.В. МЕЛЬНИК,

кандидат экономических наук,
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
e-mail: denmelnick@mail.ru

В статье рассматриваются особенности интерпретации марксистского наследия, предложенной в работах советского экономиста И.И. Рубина. Эта интерпретация стала одним из вариантов ответа на вызовы, вставшие перед марксизмом на рубеже XIX–XX вв. Начиная с 1970-х гг. она становится весьма популярной за рубежом. Несмотря на трагическую судьбу ученого, его работы оказали заметное влияние и на развитие отечественной науки. Вместе с тем, их восприятие существенно осложнялось социальными и политическими факторами, связанными с реализацией проекта по созданию советской политической экономии.

Ключевые слова: И.И. Рубин; советская политическая экономия; марксизм.

The article discusses the interpretation of the Marxian legacy proposed by I.I. Rubin. This interpretation provided an answer to the challenges faced by Marxism at the turn of the twentieth century. From the 1970s it becomes widely known abroad. Despite the tragic fate of the scholar, his works had made a significant impact on economic studies in the Soviet Union. However, their perception was greatly complicated due to the effect of social and political factors related to the functioning of the Soviet political economy.

Keywords: I.I. Rubin; soviet political economy; marxism.

Коды классификатора JEL: B14, B24, B31.

Творчество И.И. Рубина (1886–1937) составляет одну из вершин развития советской политической экономии. Его исследования оказали значительное влияние на ход ее формирования, а их критика дала начало знаковой для ее истории дискуссии между «механистами» и «идеалистами». Несмотря на гибель ученого в период репрессий, его имя не было забыто в советской экономической науке постсталинского периода, удостоившись, например, отдельной (пусть и критической) статьи в энциклопедии «Политическая экономия» [15, с. 510]. Начиная с 1970-х гг., на волне критического переосмысления марксизма, работы Рубина начинают публиковаться за рубежом на английском, испанском, немецком, японском языках. В 2011 г. впервые была опубликована рукопись Рубина «Очерки о теории денег Маркса» [12], продолжают уточняться детали его жизни и творчества [4]. О сохранении интереса к наследию ученого среди отечественных и зарубежных исследователей может свидетельствовать проходивший в декабре 2011 г. в Институте экономики РАН круглый стол, посвященный его 125-летию.

Вместе с тем нельзя сказать, что на сегодняшний день мы имеем возможность воссоздать интеллектуальную историю формирования взглядов Рубина. В своих опубликованных экономических работах он предстает уже вполне сложившимся исследователем: первые экономико-теоретические публикации появились у Рубина лишь в возрасте 35–36 лет, в 1922 г., а уже в следующем году вышло в свет первое издание фундаментальных «Очерков по теории стои-

мости Маркса». Можно лишь предположить, с некоторой степенью вероятности, что в период своего становления как экономиста (начавшегося, вероятно, в 1906–1910 гг., когда он обучался на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета),¹ Рубин активно воспринимал новейшие на тот момент тенденции в развитии марксизма, равно как и его критику. Рассмотрение работ Рубина как ответа на внутренние и внешние вызовы марксистской догматики, как защиты «подлинного» Маркса от нападков и непонимания может способствовать, по нашему мнению, более четкому пониманию их аналитического содержания. С этой точки зрения, работы Рубина направлены на реконструкцию марксистской теории с учетом критики, развернувшейся с особенной интенсивностью после выхода третьего тома «Капитала» в 1894 г. и критического отзыва Е. Бём-Баверка в 1896 г. [см. 3].

Рубин, как и многие другие марксисты, исходил из того, что Марксу в общем удалось создать законченную, цельную и верную теорию общества и процессов, управляющих его развитием. Поэтому его подход к реконструкции предполагал, во-первых, очищение первоначального корпуса марксистской теории от порожденных (во многом самим Марксом) неточностей — на основе гегелевской философии как логической первоосновы марксизма; во-вторых, последовательное очищение теории от привнесенных позднейшими критиками и последователями разночтений — главным образом, позитивистского (поиска «реального» содержания марксистских категорий) и неокантианского (представления о теории лишь как о гипотезе) толка.

«Защита Рубина» велась путем реконструкции социологического содержания базовых марксистских категорий на основе возвращения к Гегелю. Данный подход, отметим, предвосхитил позднейшее развитие марксизма на Западе, в частности в рамках «франкфуртской школы», а также по итогам так называемого «открытия молодого Маркса».

Вместе с тем окончательное оформление рубинской реконструкции марксизма произошло уже в реалиях первого послереволюционного десятилетия, в рамках проекта по созданию советской политэкономии. Лишь в начале 1920-х гг. Рубин получил возможность, несмотря на все проблемы и аресты, связанные с его причастностью к деятельности меньшевистской организации [см. 4, с. 478–79], сосредоточиться на научной и преподавательской работе.

Таким образом, для понимания исследовательского подхода Рубина следует остановиться на исходных условиях формирования советской политэкономии как проекта, стартовавшего вскоре после прихода большевиков к власти, но с необходимостью опиравшегося на задел, сформированный еще до революции.

Представляя одну из линий развития марксистского варианта классической политической экономии и будучи связана, таким образом, с развитием европейской экономической науки, советская политэкономия, тем не менее, являлась специфически отечественным феноменом. Ее непосредственные истоки могут быть отнесены к концу XIX в., когда группа молодых интеллектуалов (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, В.И. Ленин и др.) стала использовать марксистскую теорию в спорах с доминировавшими тогда в радикальном движении народниками (также опиравшимися на марксизм и немало сделавшими для его распространения в стране) о путях развития страны. Вскоре после продекларированной победы над народниками (по крайней мере, после обоснования исключительных прав называться марксистами в России) раскол произошел среди самих этих интеллектуалов. Выделилась большевистская группа во главе с Лениным, претендующая на право являться носителями чистого «ортодоксального» марксистского знания. Становление марксистской теории на российской почве изначально происходило в атмосфере ожесточенной полемики и этой полемикой определялось.

Между тем, как уже отмечалось, марксизм на рубеже XIX–XX вв. столкнулся с серьезными вызовами. Прежде всего, результаты развития естественных и точных дисциплин подрывали устоявшуюся механистическую картину мира, восходящую к открытиям XVII–XVIII вв. Это не

¹ Как известно, исследования и преподавание экономических дисциплин в дореволюционной России традиционно были сосредоточены на юридических факультетах. Именно за этим факультетом Санкт-Петербургского университета числилась кафедра политической экономии и статистики.

могло не затронуть марксизм — к тому времени вполне оформившуюся и претендующую на всеохватность систему мировоззрения с развитой догматикой. Марксисты исходили из того, что им удалось с помощью диалектического материализма связать воедино деятельность человека, его представления, идеи и объективный мир. Возникла необходимость не просто включения новых открытий в эту систему, но и более тщательного и непротиворечивого обоснования материалистического понимания природы и общества, законов их существования и развития. Некоторые марксисты шли здесь по пути фактического сближения марксизма и позитивизма (влиятельного течения, оказавшего во второй пол. XIX в. значительное воздействие в том числе и на радикальные движения в России), стремясь расширить и укрепить «объективное» содержание научных категорий. Они стремились к упрочению марксистской теории на естественнонаучных основах и изгнанию из нее «бесов» метафизики. Другие, напротив, обосновывали самостоятельный характер и приоритетную роль исходных абстрактно-логических основ марксизма (что, в свою очередь, вело к необходимости четкого обоснования этих основ, а соответственно, делало неизбежными споры между сторонниками возможных толкований). Эти подходы редко были представлены в чистом виде. Они сталкивались и переплетались в творчестве отдельных исследователей, наслаиваясь на разногласия в комплексе других теоретических, политических, этических, эстетических взглядов и предпочтений. Сам «диалектический метод» многих марксистских авторов (даже весьма эрудированных и глубоких) при попытках разобраться в этом хитросплетении еще более запутывал его, затрудняя проведение строго научной критики и открывая новые возможности для ведения полемики. Так, для Г.В. Плеханова принципиальное отличие материализма Маркса от материализма его предшественников состояло в том, что до Маркса материализм был механистическим. Потому он с неизбежностью вырождался в детерминизм того или иного рода, становясь, таким образом, по своему содержанию идеалистичным. Этот материализм рассматривал внешний мир лишь в форме объекта и игнорировал «деятельную сторону», игнорировал человека, что и делало его фаталистичным учением. На эту деятельную сторону и обращалось прежде всего внимание в рамках идеализма [2, с. 180]. Подлинный материализм в данной трактовке выступал как «срединная» и потому единственно верная линия. Подобная аргументация (обладающая внутренней стройностью) формировала благоприятные условия для попыток разрешения теоретических споров посредством преимущественно риторических, а не аналитических средств. «Ортодоксальная» защита марксизма чаще всего заключалась в обозначении возможных крайностей (детерминизма и волюнтаризма, механицизма и идеализма и пр.), приписывании этих крайностей конкретным авторам и постулировании единственно верного «диалектического пути» как срединной линии. Такой подход, несомненно, обладал достоинствами с полемической точки зрения. Однако попытки собственно позитивного развития и применения диалектического материализма (а не обоснования ошибочности, «недиалектичности» позиций оппонентов) оказывались, как правило, весьма слабыми и легко поддающимися критике.

Необходимость уточнения базовых положений марксизма усиливалась и усложнялась воздействием извне, прежде всего, со стороны неокантианства. Оно особенно активно распространялось в последней трети XIX в. как реакция на упомянутые изменения научной картины мира, противостоящая позитивистскому и марксистскому подходам (по существу сам марксизм часто рассматривался неокантианцами как разновидность позитивизма). Неокантианство отличало стремление обосновать особый характер общественных наук и устанавливаемых в их рамках законов на основе восходящей к И. Канту теории познания. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что состояние марксизма на рубеже веков вело не только к соперничеству с неокантианством, но и к попыткам союза с ним под девизом «назад к Канту» [13]. К концу XIX в. многие деятели рабочего движения пришли к выводу о необходимости существенной корректировки выработанных Марксом положений, которые, как представлялось, все более и более вступали в противоречие с изменяющейся действительностью. В этом и заключались непосредственные истоки той

«ревизии» марксизма, которая начала проводиться в рядах немецкой социал-демократии и приобрела четкий программный характер у Э. Бернштейна, распространившись затем и в России. Это требовало пересмотра марксизма не просто на практике, но и в теории. Данная потребность «ревизионистов» совпала с общей направленностью идей тех немецких мыслителей, которые уже с 1870-х гг. начали проводить критику положений исторического материализма с кантианских позиций, указывали на принципиальную идентичность этических идеалов Канта и Маркса и пытались поставить марксизм на новую (с их точки зрения, более прочную) философскую основу. Сторонников такого синтеза привлекала возможность установления человекоразмерности общества и его истории через категории морального закона и целеполагания, а не посредством «слепой» причинности и подчиненности индивида стихийному проявлению «объективных» законов. Но вместе с тем в марксизм привносилась и масштабная ревизия научного аппарата на основе кантианской теории познания, базировавшейся на том, что единственная доступная для восприятия и понимания реальность структурирована в разуме и разумом.

Воздействие неокантианства порождало стремление (пусть и по-разному выраженное) отходить от «наивных», не отрефлексированных с помощью критического разума положений как от метафизических², проводить пересмотр и уточнение логических инструментов анализа. Интерес к теории познания был связан с проблемой соотношения бытия и сознания («объективно данной реальности» и ее мысленного представления) в исследовательском процессе. Позитивным вкладом самих неокантианцев в решение данной проблемы стало разграничение номотетических и идеографических методов познания. Ответ со стороны «материалистов» был сформулирован, прежде всего, в виде «теории отражения». Детальный анализ дискуссий о теории познания выходит за рамки данной работы. Здесь следует отметить, что поставленные в конце XIX в. в наиболее общем виде проблемы теории познания (а значит и достоверности результатов исследовательской деятельности), предложенные подходы к их решению оказывали влияние на разработку ряда специальных вопросов исследователями следующих поколений. Так, результаты дискуссии рубежа веков явно сказались на развитии и применении статистических и эконометрических методов экономического анализа, в частности при рассмотрении вопросов соотношения вероятности и действительности, статистически устанавливаемых закономерностей и реальности [см., напр. 7]. Несомненно, отразились они и на проекте создания советской политэкономии.

Наконец, серьезное воздействие на марксизм оказала критика основ теории стоимости и (шире) последствия маржиналистской революции в экономической науке. Полемика вокруг теоретических положений учения Маркса, развернувшаяся в конце XIX в., вынудила даже ортодоксальных марксистов заново осмысливать казалось бы очевидные до этого положения, ставила проблему их аналитического обоснования. Но споры о трудовой теории стоимости с неизбежностью затрагивали и вопросы методологии. Не случайно О. Бём-Баверк, один из самых активных критиков марксистской системы, отмечал, что ее фундаментальный порок заключается в выведении теории из чистой абстракции. «Вместо того, чтобы обосновывать свое положение эмпирически или психологически... Маркс предпочитает... путь чисто логического доказательства, диалектической дедукции из сущности обмена» [3, с. 77]. Марксистская экономическая наука оказалась в огне критики, и, исходя из последующего развития этой науки вызов трудовой теории стоимости, пожалуй, можно считать наиболее серьезным.

Перед сторонниками марксистской ортодоксии, таким образом, стояли непростые задачи. Но большевистский вариант марксизма был в наименьшей степени подготовлен для их решения. Развитие данного направления изначально было связано преимущественно с

² Различие теоретико-методологических подходов обусловило и различия в смыслах используемых понятий. В частности, для «материалистов» «метафизика» означала использование абстрактно-логических категорий в отрыве от «объективно данной реальности» (при всем возможном различии взглядов на то, что эту реальность составляет), для «идеалистов» — попытку совместить в одной плоскости принципиально различные и несводимые друг к другу абстрактно-логические категории и феномены окружающего мира. Непонимание этого усиливало накал дискуссий, что проявилось и в 1920-е гг.

практическими целями подпольной революционной борьбы силами незначительной группы, большинство лидеров которой в предреволюционное десятилетие оказались рассеяны по Европе и всему миру. Теоретический задел этой группы не был единой системой, представляя собой, по сути, сборник очерков и фрагментов, созданных по случаю, между делом, и направленных на оправдание (нередко задним числом) того или иного зигзага в практической деятельности большевистской партии. Полемический уклон приводил к приоритету риторического способа доказательства. После революции 1917 г. и победы в Гражданской войне большевистскую политэкономия (как и общественное сознание в целом) только предстояло создать. И эта потребность была, опять-таки, практической по преимуществу: теория была нужна для решения идеологических и дидактических задач. Необходимо было при этом создать не только саму теорию, но и ее историю. Иными словами, требовалось одновременное решение двух задач: во-первых, создать цельную и непротиворечивую теоретико-методологическую базу экономической науки победившего социализма; во-вторых, обосновать ее как логическое следствие и вершину предшествующего развития, с одной стороны, радикального движения в России (по пути, предназначавшему Лениным: от декабристов, через Герцена, к революционному движению 1860–1880-х гг.) и, с другой, западной экономической мысли (от У. Петти и физиократов к Д. Рикардо и К. Марксу). При этом собственно «большевистские кадры» либо не обладали ни специальной теоретической подготовкой, ни навыками и способностями к исследовательской работе, либо вынужденно занимались теоретическими вопросами лишь урывками. Опора на «попутчиков», не входивших в большевистский круг, была неизбежной. И.И. Рубин принадлежал к считанному числу ученых, которыми могла располагать новая власть для решения задач на теоретическом фронте.

Особенность рубинского подхода заключалась в том, что система Маркса мыслилась как единое целое, которое не может быть без ущерба для содержания разделено на социологическую, политическую, экономическую и иные автономные подсистемы. Подобно тому как с точки зрения марксизма реальность общественного целого структурируется и движется экономикой, реконструкция самой марксистской теории проводилась Рубиным на основе и в рамках политической экономии.

По Рубину, экономисты, отображая реальность, могут придерживаться двух методов: «практического» и «диалектического». Именно последний является подлинно «теоретическим», научным методом, который объясняет реальность, тогда как первый лишь фиксирует или моделирует те или иные ее проявления. Та реальность, которую описывает экономическая наука и в соответствии с которой строится система ее категорий — это реальность общества. Задача экономиста-теоретика объяснить, как устроено общество, в котором производство на рынок связывает независимых товаропроизводителей, а накопление капитала определяет распределение общественного труда. Именно исходя из этого Рубин обращается к анализу противоречивого единства общества товаропроизводителей, считая концепцию товарного фетишизма важнейшим исходным пунктом марксистского анализа. От этой исходной концепции реконструкция Рубина движется к уточнению и обоснованию концепции абстрактного труда — результата «уравнивания» автономных товаропроизводителей посредством рыночного обмена. Следующим пунктом анализа выступает концепция стоимости, позволяющая раскрыть механизм этого «уравнивания», механизм поддержания противоречивого единства разделенного общества.

Такой подход дает возможность критикам выдвигать обвинения в неокантианстве (в частности, в связи с концепцией Р. Штаммлера) [1, с. 106]. В одном аспекте взгляды Рубина действительно смыкаются со взглядами Штаммлера, а именно в критике практического метода (у Рубина) или в критике присущего политической экономии «обычного приема», когда понятие хозяйства приобретает самостоятельное и самодостаточное значение (у Штаммлера) [14, с. 11]. Для обоих именно социальная жизнь в ее определенных формах должна выступать исходной точкой для проведения экономических исследований. При этом содержание представлений об обществе у них различно. С точки зрения Штаммлера, «невозможно установить отдельные политэкономические принципы, которые были бы не-

обходимы, общезначимы и независимы от ... содержания отдельных правовых укладов» [14, с. 230]. Напротив, Рубин исходит не из неокантианской трактовки целеполагания (и его выражения в правовом, в широком смысле, регулировании) как конституирующего общества принципа, а из реальности общества как системы в рамках данной социально-экономической формации и законов ее движения.

Рубин считал ответ на критику методологических основ и аналитического содержания теории стоимости Маркса, данный Р. Гильфердингом [5]³, началом (но *лишь* началом) «правильного понимания» социологического характера теории стоимости Маркса [10, с. 33]. По Рубину, отличительная черта этой теории стоимости состоит в том, что Маркс «обосновывает ее не свойствами «стоимости», т. е. акта приравнивания и оценки вещей, а свойствами «труда» в товарном обществе...» [10, с. 40], приравнивающего автономных агентов экономического процесса, вовлекающих их в единую систему. «Равенство товаров в обмене является выражением не их количественного, субстанциального равенства, а равенства свободных, независимых товаропроизводителей, на которых не воздействуют силы внеэкономического принуждения» [10, с. 40]. Правильное выражение теории стоимости, по мнению Рубина, состоит не в том, что стоимость определяется общественно необходимыми затратами труда. Исходным пунктом анализа выступает не стоимость, а труд, притом с точки зрения его особой социальной формы. «В товарно-капиталистическом хозяйстве производственно-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и только в этой вещной форме и могут проявляться; труд может найти свое выражение только в стоимости». Сами «акты рыночного обмена — лишь только выражение внутренней структуры общества» [10, с. 34]. Исходя из этого Рубин отмечает: «Марксова теория стоимости представляет собой не «диалектическую дедукцию из свойства обмена», как утверждает Бём-Баверк, а анализ определенной социальной формы производства, а именно товарного хозяйства» [12, с. 505–506].

Однако, что такое стоимость сама по себе, каково содержание этой категории? Ведь даже среди марксистов бытовали различные подходы к ответу на этот вопрос. В частности, широкое распространение в до- и послереволюционной марксистской литературе приобрела трактовка, непосредственно отождествляющая затраты труда и величину стоимости. Наиболее последовательное и строгое изложение данного подхода было связано с работами А.А. Богданова и его сторонников, придерживающихся «энергетической» (позитивистской в своей основе) трактовки стоимости. Представление о тождестве труда и стоимости для Рубина — ложно. Стоимость представляет труд, но стоимость не есть труд [см.: 8, с. 20]. Исходящие из позитивистских установок подходы во всех случаях предполагали взгляд на теорию стоимости как на обоснование количественной соизмеримости товаров на рынке. Из этого вытекала необходимость обоснования незыблемости исходного принципа непосредственной связи затрат труда и величины стоимости с учетом тех проблем, которые соизмеримости между ними в чистом виде препятствовали (проблема сведения сложного труда к простому, проблема отклонения цен производства от стоимостей). Рубин последовательно исходил из того, что категории политической экономии являются социальными по своему содержанию и ничего другого кроме реальности общества с той или иной степенью абстракции не отображают. Его подход поэтому предполагал не только отказ от попыток найти «реальное», физическое содержание стоимости, на основе которого можно было бы обосновать действие «закона стоимости», но и отказ от попыток формально-аналитического обоснования теории стоимости, порожденных критикой маржиналистов — т. е., от попыток разрешения высвеченных критикой формальных противоречий путем обоснования «решаемости» соответствующей системы уравнений. Такой подход соответствовал бы не подлинно теоретическому, а «практическому» методу анализа.

Рубин дает однозначный ответ как тем критикам марксизма, которые указывали на методологическую и аналитическую бесосновательность выдвижения затрат труда в ка-

³ Первое издание на немецком: *Hilferding R. Böhm-Bawerks Marx-Kritik*. In: *Marx-Studien. Blätter zur Theorie und Politik des wissenschaftlichen Sozialismus*. Band 1, Wien 1904. S. 1–61.

честве регулятора движений экономической системы, так и тем его сторонникам, которые пытались развивать марксистский анализ исходя из представлений об особой роли и особых качествах труда как основы и регулятора стоимости (а значит и системы цен). Трудовая теория стоимости не связана ни с представлением о труде как об особом «факторе производства», имеющем приоритетное значение в образовании и определении стоимости, ни с нахождением именно в труде «мерила стоимости», позволяющего анализировать изменение меновых пропорций. Эта теория говорит «о трудовой деятельности людей как основе жизни общества, и о тех социальных формах, в которых этот труд организован» [8, с. 20]. Как таковая она «в действительности ... имеет совсем другую задачу, теоретическую, а не практическую. Нам незачем искать практическое мерило стоимости, которое сделало бы возможным сравнение продуктов труда на рынке. Такое сравнение *реально* происходит ежедневно в процессе рыночного обмена, в котором стихийным путем выработалось необходимое для этого мерило стоимости, деньги, и который ни в каком мериле, теоретически придуманном экономистами не нуждается. Задача теории стоимости совсем другая, а именно *теоретически* понять и объяснить реально происходящие на рынке процессы ..., т. е. отразить причинную связь между процессом уравнивания товаров в обществе и процессом уравнивания и распределения общественного труда» [11, с. 109–110]. Труд действительно определяет изменение пропорций обмена в том смысле, что «количественные изменения производительности труда являются причиной изменений стоимости товаров. Это положение в переводе на язык гегелевой философии гласит, что труд является «имманентною мерою» стоимости» [12, с. 507]. Но ни труд, понимаемый как физиологические затраты энергии, ни какая-либо другая субстанция, «ответственная» за количественную соизмеримость товаров на рынке, не могут быть положены в основу экономического исследования. «Не показать, в чем пшеница равна железу, а открыть закономерность объективного социального факта рыночного приравнивания пшеницы железу — такова задача экономиста-теоретика» [12, с. 508].

Здесь возникает соблазн сопоставить возможную траекторию развития советской политэкономии по «рубинскому» пути с действительным развитием критических по отношению к неоклассике подходов в зарубежной экономической науке XX в. (Задача сопоставления действительного хода развития советской и западной экономической науки выходит за рамки настоящей работы.)

Проблема формально-аналитического («практического») обоснования теории стоимости решалась в XX в. и на Западе. Ведущую роль сыграло здесь, как представляется, неорикардианское направление классической политической экономии. Интерпретация Рубина, несомненно, противостоит неорикардианской интерпретации, предложенной П. Сраффой. Как известно, в своем прочтении Д. Рикардо Сраффа придавал огромное значение попыткам нахождения неизменного стандарта — «мерила» стоимости. Сформулированное позднее самим Сраффой понятие «стандартного товара» стало его аналитическим ответом на эту проблему. Подход Рубина здесь диаметрально противоположен: «Рикардо прежде всего решительно отбросил всякие поиски *неизменного мерила* стоимости и неоднократно возвращался к доказательству невозможности найти такое мерило. *Научно-причинный метод*, для упрочения которого в политической экономии классическая школа много сделала, был Рикардо с полной последовательностью проведен и в теории стоимости. Рикардо ищет *причины количественных изменений* стоимости продуктов и хочет формулировать законы этих изменений» [9, с. 232].

Основные положения неорикардианства стали формироваться в конце 1920-х гг. [см., напр. 18] Однако общий контекст развития неорикардианства включал и воздействие философии позитивизма [см. 17], и попытки формально-аналитического ответа на критику трудовой теории стоимости рубежа XIX–XX вв. Несомненно, что Сраффа, как и Рубин, как и многие другие исследователи, стремился сформулировать свой ответ на вызовы, возникшие перед марксизмом. Но если Рубин стремился очистить марксистскую теорию и придать ей новый импульс возвращением к Гегелю, если многие сторонники марксизма

стремились «назад к Канту», то ответ Сраффы может быть сформулирован так: «прочь от метафизики и назад к Петти» [см. 6, с. 221–222]. Развитие неорикардизма и «классического» марксизма изначально исходило из различных основ. Фундаментальные, теоретико-методологические по своему характеру различия продолжают проявляться в дискуссиях сторонников обеих интерпретаций⁴.

Весьма примечательно, что Рубин в своем восхождении «от простого к сложному» пришел к анализу денег как продукта общественных отношений и инструмента поддержания единства общества при товарной экономике. Можно предположить, что представление о роли денег как конечной, непосредственно доступной для наблюдения категории анализа закладывало методологическую базу для переориентации на анализ номинальных, а не реальных величин. При несомненной опоре рубинской интерпретации на тексты Маркса, такой подход был нехарактерен как для предшествующего, так и для последующего развития экономических исследований в русле классической политической экономии. В советской литературе появлялись отдельные плодотворные исследования денег и денежного обращения (не только прикладного, но и теоретического характера), имелись они и среди сторонников «классической школы» Запада. Но они оставались на периферии экономического анализа, вне его теоретико-методологического ядра. Ярким примером здесь может служить развитие неорикардизма⁵. Со второй половины XX в. неорикардизм стало, вероятно, наиболее влиятельным направлением современного «гетеродоксального» экономического анализа, развивающим положения теории стоимости и распределения классической школы. Лишь влияние теории Дж.М. Кейнса во второй половине XX в. привело к распространению денежного анализа в «гетеродоксальной» литературе. Развитие посткейнсианства основывалось на разработке динамических концепций и проведении денежного анализа экономики. Однако в целом задача объединения неорикардизмской и посткейнсианской исследовательских программ до настоящего времени не решена — в том числе, как представляется, в силу различных подходов к пониманию роли денег в экономике.

«Защита Рубина», конечно, не являлась бесспорной, но она обладала внутренней стройностью, позволяла двигаться по перспективным (с учетом дальнейшего развития зарубежной марксистской мысли) траекториям развития. Однако мы можем лишь предполагать, каким выглядело бы здание советской политэкономии, возведенное на «рубинском» фундаменте. Он был разрушен. На его месте остался лишь заполненный обломками котлован.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батищев С.* «Диалектика» И. Рубина // Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии. Сб. статей / Под ред. С.А. Бессонова, А.Ф. Кона. М.–Л., 1930.
2. *Бельтов Н.* [Плеханов Г.В.] К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПб., 1905. С. 180.
3. *Бём-Баверк О.* Критика теории Маркса. М., 2002.
4. *Васина Л.Л.* И.И. Рубин и его рукопись «Очерки по теории денег Маркса» // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М., 2011.
5. *Гильфердинг Р.* Бём-Баверк как критик Маркса. М., 1923.
6. *Елисеева И.И., Мельник Д.В.* Международная научная конференция «К 50-летию книги Пьеро Сраффы «Производство товаров посредством товаров», 1960–2010» // Финансы и бизнес. 2011. № 2.
7. *Клюкин П.Н.* Статистический метод в анализах проблемы «социальной экономии» в работах Н.Д. Кондратьева и Е.Е. Слуцкого // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5 «Экономика». 2011. Вып. 3.

⁴ Ярким примером этому может служить дискуссия между П. Гареньяни и Д. Фоули, одними из наиболее значительных представителей этих течений [см.: 16].

⁵ Интересным и едва ли не исключительным примером развития денежного анализа в рамках неорикардизма является работа итальянского экономиста М. Пиветти [19].

8. Рубин И.И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. М., 1928.
9. Рубин И.И. История экономической мысли. Изд. 4-е. М.–Л., 1930.
10. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд. 1-е. М.–Пг., 1923.
11. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд. 4-е. М.–Л., 1930.
12. Рубин И.И. Очерки по теории денег Маркса // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М., 2011.
13. Форлендер К. Кант и Маркс. СПб., 1909.
14. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 1907.
15. Экономическая энциклопедия «Политическая экономия». Т. 3. М., 1979.
16. Classical theory and policy analysis. A Round-Table. (Pierangelo Garegnani, Duncan K. Foley, Massimo Pivetti, Fernando Vianello). Aracne, Roma, 2004.
17. D'Orsi A. Piero Sraffa e la «cultura positiva»: la formazione torinese. In: IL Pensiero Economico Italiano. Anno VIII. n. 1. 2000.
18. Garegnani P. On a turning point in Sraffa's theoretical and interpretative position in the late 1920s. In: European Journal of the History of Economic Thought, 2005. Vol. 12(3).
19. Pivetti M. An Essay on Money and Distribution. Palgrave Macmillan, 1991.